ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ ДО ДУШАНБЕ И ОБРАТНО

Командировочные неожиданности мы любим. Если выпал шанс съездить в зарубежье, тем более неожиданность, пусть это и соседний Таджикистан. Оплата за счет принимающей стороны. Добираться – самолетом в Термез, оттуда на такси до государственной границы, после ее пересечения опять такси и опасение, что за два часа во тьме до Душанбе не доберемся…

Впервые я побывала там еще в советское время. Летела в Ташкент, а приземлился самолет из-за метеоусловий в чужой столице. На дворе стоял февраль. Рано темнело. В аэропорту – колотун, а самолет домой обещали только к обеду на следующий день. В общем, вперед в спасительный город! Вместе с пассажирами втиснулась в маршрутку, потом зашла в пару гостиниц, и во второй не отказали. Тут – большая гостиничная комната, теплый ночлег, веселые и шумные соседки-таджички. А наутро солнце грело снег и радовали глаз вечные горы. Таким на многие годы Душанбе и запомнился: доброжелательным, ярким.

Потом в жизни братских республик было много разных наворотов. В Таджикистане отстреляла гражданская война. Нынешняя поездка стала для меня второй в послевоенное время. Обе связаны с экологическими проблемами Центральноазиатского региона и с их освещением в средствах массовой информации. Все же у нас и ветры одни, и реки. Если там заводские выбросы, то наши посевы по соседству жухнут, если там малярия или тиф, то тут беспокойно. В городе, как выяснилось, как раз и была вспышка тифа. Но жил он в обычном ритме. Местные утверждали, что для чистки зубов воду не кипятят. Про причину инфекционной напасти говорили, что пару дней вода не хлорировалась, а тут как назло произошел сброс канализационных стоков. В общем, советовали, мойте с мылом руки и не пейте сырую воду. Вдруг опять что-нибудь прорвет. В принципе тиф здесь – не редкость. Поехали бы мы, знай заранее? Очевидно, ведь не

смутила же нас в прошлый раз вспышка малярии.
Надо – поедем, даже если перестали летать между столицами самолеты. Группа узбекистанских журналистов рассчитывала, выехав из Ташкента утром, добраться до Душанбе засветло. Но у дороги было несколько этапов. Штук пять узбекских и пару таджикских постов мы преодолевали часа полтора. Подумалось, что на двух километрах границы проверок слишком много. А багаж – вот главное неудобство – путники и путницы обречены тащить на себе. Мы видели двух женщин, пересекавших границу параллельно с нами: одна несла вещи, другая – дверь на спине.
Сразу за границей к нам кинулись, как показалось, таксисты. Ан нет – менялы. Ну а водитель старой «Волги», не имея конкурентов, торговаться с нами не стал: «Вот моя цена, а не устраивает, ночуйте тут». Значит, в степи. «Нас шестеро». «Залезайте». Было почти совсем темно. Машина не заводилась. Менялы поднатужились и покатили «Волгу» в глубь страны. Наконец мотор заурчал. «Ничего, что нас – перебор?» «Гаишники на дороге знакомые, а прав водительских все равно нет, отобрали».
Изредка слепил фарами встречный транспорт, а без них было черно, и казалось, висят в ночи звезды над горизонтом. Но то были огоньки горных селений. Про них водитель сказал, что скоро погаснут: «Утром и вечером в районах электроэнергию подают на два часа». Как потом оказалось, по той же системе снабжают энергией и окраины Душанбе. «А в центре все в порядке. Разве что в столице нет централизованного теплоснабжения, помещения отапливаются обогревателями. Нет тока – нет тепла».
А это что? Судя по красным лампам, трубы уходят в небеса. Мы проезжаем город Турсунзаде, трубы – Таджикского алюминиевого завода. Мне приходилось на нем бывать в 1989-м. Тогда здесь заседала союзная комиссия для снижения вредных выбросов ТАДАЗа. Его здесь разместили с благой целью – для развития национальных окраин. Местная гидроэнергетика вырабатывала дешевую электроэнергию, необходимую для выплавки алюминия. В тот визит из журналистского любопытства я попросила хозяев провести по цехам. Заводской размах впечатлял, а из агрегатов, называемых электролизеры, как из кипящих кастрюль, рвались наружу неорганизованные выбросы. Вместе с организованными из труб они и гуляли потом в чудной Гиссарской долине вверх-вниз по розе ветров над таджикскими и узбекскими кишлаками. Об этом, когда размещали завод, не подумали.
Когда началась совместная работа по сокращению выбросов, часть электролизеров остановили. Экологи соседних стран продолжали сотрудничать и после развала Союза. В один из приездов нашим пришлось спасаться бегством: они обратили внимание на людей с автоматами у окон в административном корпусе, и тут догадались, что противоборствующие стороны вступили в бой за завод!
Теперь стороны помирились. По дороге до Душанбе нам не встретились ни один шлагбаум, бронетранспортер или военный пост. Единственный милиционер, выросший вдруг на пустой трассе, заставил нас притормозить. «Требовал права?» — «Нет, дань получал». На въезде в столицу водитель нам помог поймать микроавтобус, а до гостиницы везти отказался: «Я ж без прав».
Итак, мы в Душанбе. Коллеги утверждают, что, как в машине времени, мы откатили лет на двенадцать назад. Но такое же мне доводилось слышать и про Узбекистан от новых иностранцев из стран СНГ. Иномарок почти не увидишь. Горожане по-прежнему понимают по-русски, а многие и говорят, хотя русые в городе почти не встречаются.

«Знаете, какая главная достопримечательность Душанбе сегодня, из-за которой к нам могут поехать туристы?» – это вопрос организаторов журналистской региональной встречи. По прошлому разу казалось, что исключительна Гиссарская крепость. От нее осталось основание крепостной стены третьего века до нашей эры. Да и более поздняя история впечатляет, когда бродишь по ее холмам. Крепость – минутах в сорока от города. А в самом городе шедевром считается Будда в нирване. Нас сводили в музей к лежащему Будде с прикрытыми глазами. В длину он почти тринадцать метров, в экспозиции находится два года. Прессу призывали о нем написать.

Но вообще-то в Душанбе журналистов собрали по другому поводу – пригласили на третий Центральноазиатский фестиваль экологической журналистики. Первые два проводились в Бишкеке и Алматы. Инициаторами этого, в принципе воодушевляющего события, стали неправительственные организации. Но поскольку их члены не понимают специфики журналистского труда, журналистов же рассматривают в качестве орудия своего воздействия на массы, а фестиваль – как средство получения грантов от спонсоров, в чем и признались простодушно, то журналистам было предложено несколько дней «фестивалить» – гулять по городу, базарам и магазинам.

Коллеги выкручивались из ситуации, когда их оторвали от работы, кто как мог. Кто прочесывал таджикские и международные экологические организации в поисках новостей (все же соседи), кто ходил по музеям – и тут можно накопать информации (Будда тоже не пустяк), а кто организовывал внепрограммные «круглые столы» журналистов: «О каких экологических проблемах в наших странах пишем? О чем делаем радио- и телепередачи?»

Этот взаимообмен оказался самым полезным. Скажем, все мы в своих странах слышали про Сарезское озеро в горах Памира. А тут выяснилось, сколько ж «уток» над ним летает… Последний год на них был особенно щедр. С 1911 года существует Усойский завал, подпирающий озеро. В 2003 году состоялась в район озера международная научно-спортивная экспедиция объединенной команды Российского международного альпинистского клуба и МЧС Таджикистана. Российскую прессу, по-прежнему читаемую на всем постсоветском пространстве, прорвало по этому поводу еще весной: «Памирский тигр» разорвет Центральную Азию в клочья», «Эксперты считают, что считанные дни или даже часы остались до того рокового момента, когда селевой поток высотой в сто метров сорвется с круч Памира и, как разъяренный тигр, бросится в мирные страны Центральной Азии».

Таджикские журналисты проанализировали, зачем делаются столь шокирующие заявления. Они об этом писали: «Складывается впечатление, что есть группа людей, заинтересованных в нагнетании страха и ужаса среди жителей региона. Не исключено, что есть силы, заинтересованные в том, чтобы западный инвестор обходил Таджикистан стороной, а проблема Сареза используется в качестве страшилки».

Жаль, что нами, журналистами, им порой удается манипулировать, а иной раз и без манипуляций хлебом не корми, но дай выкрикнуть сенсацию. А вот что практически делается в районе Сареза: «За плотиной и озером силами МЧС организовано постоянное наблюдение. В районах ниже озера в долине реки Бартанг созданы островки безопасности, на которых в водонепроницаемых контейнерах складированы палатки, теплая одежда и медикаменты. Проект реализуется под управлением Всемирного банка. В 2004 году в районе Сареза будет установлена система мониторинга и раннего оповещения».

Продолжая разговор об ответственности журналистов, кыргызы вспомнили, какой шум в СМИ подняли в связи с кумторской аварией близ Иссык-Куля. Озеро не пострадало. Но убытки для туризма и через несколько лет невосполнимы.

Экологическая правда и без всяких накруток бывает непрезентабельна, например, когда казахстанские журналисты пишут о ловле рыбы на продажу из отстойников городской канализации Костаная: «Пахнет здесь не яблоневым цветом»… Заметка не для слабонервных, когда поднимают проблему качества воздуха в зоне Балхашского медеплавильного комбината: «Колготки расползаются прямо на глазах, ходить здесь можно только в суровой джинсе».

Когда казахи поднимают проблемы острова Возрождения на Арале, это и узбекистанцам жизненно важно. Вот строки из еще одной публикации: «По поручению казахстанского правительства разработана специальная программа «Оценка эпидемического потенциала и реабилитации биологического полигона на острове Возрождения на 2002-2006 годы». Ее основной исполнитель – Научный центр карантинных и зоонозных инфекций. К программе привлечены работники региональных противочумных станций, специалисты управлений здравоохранения Актюбинской и Кзылординской областей».

Остров стал полуостровом: его длина превышает полтораста километров, ширина – более семидесяти. Узбекские партнеры данными по своей части Возрождения ни с зарубежными

коллегами, ни с прессой не делятся. Казахские журналисты пообещали довести до читателей результаты программы, ведь будут научные рекомендации, как улучшить эпидемиологическую ситуацию в Аральском регионе. Станут ли сотрудничать ученые и политики двух стран в этом вопросе? Мы-то, региональные журналисты, точно будем, об этом и без протокола договорились.

Что еще осталось в памяти из того, как «фестивалили», помимо дружеских чувств к коллегам из центральноазиатских СМИ? Стук бочонков «русского лото» в длинном ряду лавок у городского базара, мощные платаны на центральной улице Рудаки, ворохами опадающая осенняя листва, Дом воды и исполком Международного фонда спасения Арала. Кстати, в исполкоме мы узнали о новом региональном проекте, начинающемся без Узбекистана. В наш адрес тут попеняли, что страна скрывает информацию, и поэтому международные спонсоры выжидают. Какую информацию скрывают ведомства в Узбекистане – предложили выяснить журналистам.

Мы по этому поводу подумали, что нас опять хотят использовать. Но, может быть, на это не стоит обижаться? Главное: поглубже въезжать в тему, чтоб без вранья. Надо ли было ехать за тридевять земель, чтобы понять эту простую истину? Наверное. Дорога туда, дорога обратно, много времени, чтобы вспомнить и сформулировать очевидное.

Наталия ШУЛЕПИНА

«Правда Востока», 6.11.2003г.

Экоальманах «Просто пишем о среде» (2-й выпуск), 2004г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

05.04.2009